

го Белого движения, направляя в Добровольческую армию тысячи офицеров и поставляя ей огромное количество оружия и боеприпасов (с. 236).

Особое внимание уделено в книге французской интервенции в конце 1918 – начале 1919 г. Своекорыстные действия союзников России по Антанте не могли не привести к конфликтам между ними и Деникиным. В результате «задуманная как начало широкомасштабной военной экспедиции сил Антанты в Россию французская интервенция... с самого начала, что называется, не задалась», а взаимоотношения между белым командованием и высадившимися на юге России интервентами «в конечном итоге превратились в дешёвую склоку, против своей воли сыграв на руку лишь большевикам» (с. 237).

Монография А.С. Пученкова безусловно стала заметным событием в историографии Гражданской войны в России. Хочется надеяться, что в обозримом будущем она будет переиздана, что позволит расширить круг её читателей, в том числе на Украине и в Крыму.

Андрей Иванов: Русские и украинские националисты в 1918 г.

Разумеется, начиная свою работу несколько лет назад, А.С.Пученков никак не мог ожидать, что его книга обретёт злободневность³⁶. Однако было бы совершенно несправедливо приписывать успех этой работы исключительно её появлению в «нужное время». Основанная на впечатляющей источниковой базе (материалах прессы, многочисленных дневниках и мемуарах, а также документах из более чем 20 российских, украинских и американских архивов), она, без всякого сомнения, займёт достойное место в историографии Гражданской войны, Украины и Крыма и национальных отношений в целом. Пученкову удалось создать яркую картину событий 1918–1919 гг., среди которых падение Украинской народной республики, возникновение и крах гетманской «державы», немецкая оккупация Украины, «киевский демарш П.Н. Милюкова», споры крымских и украинских властей, непростые взаимоотношения национальных правительств с российским Белым движением и их противостояние большевистской России, неудачная попытка сформировать монархическую Южную армию, французская интервенция в Одессе. Не менее интересны и документальные приложения, позволяющие читателю более глубоко понять и прочувствовать реалии того времени.

По словам автора, «ужас и бессмысленность братоубийственной бойни легче, чем где бы то ни было можно проследить на примере рассматриваемого региона», поскольку «особенность развития политического процесса на Украине и в Крыму заключалась в нарастающей силе хаоса и жестокости противоборствующих сил» (с. 3). При этом, как отмечает Пученков, бурный всплеск украинского национального движения, начавшийся в революционные месяцы 1917 г. и набравший силу к 1918 г., имел изначально антироссийский характер, а лидеры «самостийничества» активно пользовались поддержкой Центральных держав. Между тем на протяжении всего 1917 г. лозунг отделения Украины от России не имел осязаемой поддержки, и националистически настроенные

³⁶ Пученков А.С. Переворот в цирке // Родина. 2007. № 7. С. 81–83; он же. Киев в конце 1918 г.: падение режима гетмана П.П. Скоропадского // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 57–72; Михайлов В.В., Пученков А.С. Борьба политических направлений в Одессе в дни французской интервенции // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 93–104; Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина...

политики вплоть до захвата власти в Петрограде большевиками вынуждены были ограничиваться требованием автономии (с. 9).

Весьма выразительно характеризуется в книге деятельность Центральной рады, которая запомнилась населению прежде всего бесконечными заявлениями националистического толка и «всё усиливавшимся беспорядком», вскоре превратившимся в безвластие (с. 9). Причём, как вспоминал один из очевидцев этих событий, бывший депутат III и IV Государственных дум монархист Ф.Н. Безак, о её существовании большинство киевлян узнало «в одно прекрасное утро», когда «австрийский» профессор львовского университета М.С. Грушевский «со своей компанией избрали себя членами Рады и самочинно явились в Киев»³⁷. Впрочем, для революционного времени такое «представительство» было скорее нормой. Красочно представлена Пученковым и галерея «героев безвременья»: М.А. Муравьёв, П.П. Скоропадский, С.В. Петлюра, А.Н. Гришин-Алмазов, М.С. Грушевский, А.И. Деникин, гр. Ф.А. Келлер, В.В. Шульгин.

Выросший в Малороссии, глубоко и искренне любивший этот край Шульгин, которому явно симпатизирует автор, проводил резкую грань между «здоровым местным патриотизмом» и сепаратистским «мазепинством». Несостоятельность самостийных режимов, возникавших тогда на просторах «русского юга», он объяснял тем, что «для украинской державы нужен украинский народ, которого не оказалось в наличности» (с. 31). По его мнению, малороссийские крестьяне стали «хохлами» лишь потому, что землю новые власти обещали только украинцам. Его соратник по газете «Киевлянин», также бывший депутат Государственной думы А.И. Савенко в 1919 г. в брошюре «Украинцы или малороссы», выдвинул «лозунг борьбы с изменническим украинством»³⁸. Позже И. Савенко, считавшая себя украинкой, возмущаясь, недоумевала: «Как могло случиться, что мой отец, украинец, сын простого переяславского казака, стал поборником “единой, неделимой России”»³⁹. Между тем в публицистике начала XX в. «украинцами» называли себя преимущественно те, кто мечтал об отделении Малороссии от империи. Ни Савенко, ни Шульгин никогда к ним не принадлежали, решительно настаивая на том, что «это край русский, русский, русский!» Кстати, сам «ясновельможный» гетман Скоропадский, по свидетельству герцога Г.Н. Лейхтенбергского, «был человеком чисто русской культуры». «Рідною мовою» он говорил, «как актёр, не знающий языка, на котором ему приходится выступать», из-за чего «ширых украинцев», слушавших его речи, прочитанные по бумажке, трясло «как чёрта перед крестом» (с. 52–53).

В 1918–1919 гг. многие переписывались из русских в украинцы либо для того, чтобы найти временный приют на территории, свободной от большевиков, либо желая извлечь из этого какие-либо иные выгоды. Племянник известного черносотенца Н.Е. Маркова, боевой офицер А.Л. Марков вспоминал о том, как ему пришлось пробираться в Россию с Кавказа через ставшую независимой Украину: «Я явился для получения пропуска на Украину в “гурток”, но там мне

³⁷ Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А.А. Иванов. М., 2008. С. 384–385.

³⁸ См.: Иванов А.А. А.И. Савенко: метаморфозы русского националиста // Русский исторический сборник. Т. 2. М., 2010. С. 160; Пученков А.С. Национальный вопрос в идеологии и политике южнорусского белого движения в годы Гражданской войны (1917–1919 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 62.

³⁹ Савенко И. Наяву – не во сне. Роман-воспоминание. Киев, 1988. С. 5.

неожиданно заявили, что для получения места в эшелоне необходимо быть не русским, а “украинцем”. Я без всякого стеснения тут же попросил мне объяснить, что это значит? Оказалось, что согласно завоеваниям революции украинцами следует считать всех жителей южной России с половины Курской губернии до моря. Это сразу подняло во мне дух, и я на месте объявил себя украинцем»⁴⁰. Генерал В.Н. фон Дрейер убедил в Москве консула Украинской державы в том, что он «украинец», спев народную песню (с. 57). Неудивительно, что отношение офицеров новоиспечённой украинской армии к государству, которое им предстояло защищать, было, по свидетельству С.В. Маркова, «явно пренебрежительное, как к стране опереточной, созданной немцами, так сказать, для собственных надобностей» (с. 74).

Александр Репников: Трагическая актуальность

Сугубо научная книга А.С. Пученкова гораздо сильнее, чем иная политически ангажированная статья, заставляет читателя задуматься о проблемах, которые вовсе не ушли в прошлое. «Распад Российской империи, – пишет автор, – породил мощнейшие национальные движения на окраинах: насаждение новой государственности на территории вчерашних генерал-губернаторств и краёв сопровождалось невиданным разгулом жестоких страстей... Украина и Крым стали объектом беззастенчивого интереса союзников, а перед этим – центральных держав. И те, и другие преследовали в первую очередь свои собственные интересы, рассматривая занятую территорию как великолепную сырьевую и геополитическую базу, а население – как обслуживающий персонал... Ужас и бессмысленность братоубийственной бойни легче чем где бы то ни было можно проследить на примере рассматриваемого региона. Особенность развития политического процесса на Украине и в Крыму заключалась в нарастающей силе хаоса и жестокости противоборствующих сил» (с. 3).

Попытка Пученкова реконструировать в одной монографии судьбу независимой Украины и Крыма в 1918 – начале 1919 г. свидетельствует о профессиональных амбициях историка, а подзаголовок «очерки политической истории» указывает на объективную оценку им собственных возможностей и вклада в историографию. Свою работу он рассматривает лишь «как *первое приближение* в решении сложной исторической проблемы» (с. 6). Очевидно, это не финальный, а скорее промежуточный итог научного поиска историка. Некоторые сюжеты, явно понравившиеся автору, прописаны излишне детально, но многое в его очерках намечено лишь пунктиром. Так, за рамками исследования остались Русский исход и красный террор в Крыму. Вместе с тем материала (прежде всего выявленного в российских и зарубежных архивах: РГАСПИ⁴¹, ГА РФ, РГВА, РГА ВМФ, ЦДАГО Украины, государственных архивах Киевской и Одесской областей и др.) у автора накоплено немало, и часть его ранее была уже успешно обобщена⁴².

⁴⁰ Марков А.Л. Записки о прошлом (1893–1920). [Б. м. и г.]. С. 373.

⁴¹ Освещающая переговоры между Украиной и Советской Россией весной – осенью 1918 года (с. 58–67), автор, к сожалению, не использовал документы РГАСПИ, в большей степени обратив своё внимание на опубликованные источники.

⁴² Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина... Монография эта из-за не большого тиража и повышенного интереса читателей стала уже библиографической редкостью.